

Проблемы описания языка
Problems of Linguistic Description

Н.М. Абакарова (Институт языкознания РАН)

N.M. Abakarova (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)

К вопросу о трансформациях речевых клише и фразеологизмов
(на материале английской анималистической литературной сказки)

On transformations of clichés and idioms in English
literary animal tales

Аннотация

В статье рассматриваются примеры трансформаций речевых клише и фразеологизмов в английской анималистической литературной сказке, определяются механизмы переосмысления устойчивых оборотов в процессе художественной коммуникации.

The paper deals with the transformations of clichés and idioms in literary tales about animals, determining the means and meaning of sense variability in the communication process.

Ключевые слова:

Трансформации речевых клише и фразеологизмов, языковой парадокс, языковая игра, художественная коммуникация

Transformations of clichés and idioms, language paradoxes, language game, literary communication

В современной лингвистике уделяется большое внимание стандартным структурам речи, в частности, фразеологизмам и клише. Среди учёных нет единого мнения о природе речевых клише и их принадлежности к фразеологическому фонду языка. Так, В.М. Бурунский полагает, что клише — это промежуточные образования между свобод-

ными словосочетаниями и фразеологизмами, служащие одним из источников пополнения фразеологического фонда [1, 5]. В.В. Стрибижев считает, что «...речевые клише, обладающие признаком воспроизводимости, могут и должны рассматриваться как фразеологические единицы, имеющие существенно важные позиции внутри фразеологического корпуса» [6, 4]. С точки зрения А.В. Власовой, речевые клише — это «устойчивые, десемантизированные в результате прагматической абстракции, повторяющиеся в стандартных ситуациях общения, частотные словосочетания и предложения, для которых, чаще всего, характерна краткость... Речевые клише большей частью входят в систему фразеологических единиц, но располагаются преимущественно на её периферии... Прагматическая абстракция ведёт к банализации речевых клише за счёт многократного употребления, то есть представляет собой не качественное, а количественное семантическое преобразование» [2, 9—11]. Общими для фразеологизмов и речевых клише свойствами принято считать устойчивость формы, воспроизводимость и определённая десемантизация их компонентов. Нарушение непроницаемости фразеологизмов и речевых клише, их вторичная семантизация, деметафоризация, двойная актуализация в контексте и другие трансформации формы и содержания определяются как механизмы языковой игры.

Особый интерес для нас представляет рассмотрение смысловой вариативности стандартных структур в художественном тексте. Нельзя не заметить, что произведения английской классической литературы для детей изобилуют примерами языковой игры и построенными на ней семантически осложнёнными диалогами. То, что трансформации стереотипных структур, словесных штампов и формул этикета имеют широкое распространение в детской литературе, на наш взгляд, объясняется особенностями детского словотворчества, на которые ориентируется автор, моделируя стратегию читательского восприятия. Как указывает Т.А. Гридина, «именно парадоксы детской речи кардинально отличают её от речи взрослых, опрокидывая стереотипы автоматизированного использования языка. По сути, языковой парадокс в детской речи выявляет и «опровергает» алогичность (немотивированность) языковых форм и значений, закреплённых традицией и нормой и составляющих идиоматику любого языка... Язык воспринимается ребёнком как

операциональный механизм, а не просто как совокупность его реализаций. Особый интерес в плане соотношения спонтанной и осознанной игровой интенции представляет усвоение детьми фразеологического дискурса. Одной из доминант детского языкового сознания является номинативный «реализм», или буквализм — неспособность к восприятию условного смысла наименования, в том числе переносного значения фразеологизмов. Можно выделить три основных способа переработки фразеологизмов в детской речи. Первый способ — собственное толкование детьми существующих фразем без изменения их формы; второй способ — трансформация фразеологизма, приспособляющая его к пониманию ребёнка и условиям коммуникативной ситуации; третий способ — создание собственных фразем (фразеологическая омонимия и тиражирование образца). Трансформация фразем может происходить и в результате так называемых ослышек и омофонического переразложения слова в потоке речи» [3, 5—32]. Таким образом, речь, как правило, идёт о трансформации ребёнком устойчивого сочетания, продиктованной стремлением к его ситуативному уточнению.

По мнению психолингвистов, отличие языковой игры от детского словотворчества состоит в том, что она строится на отклонении стереотипов при осознании неизбежности этих стереотипов, в то время как словотворчество ребёнка — это творчество поневоле [4, 179]. Ненамеренная языковая игра характерна, в том числе, и для большинства персонажей—животных, отождествляемых с «маленьким человеком», или же показанными сквозь призму восприятия ребёнка. Как отмечают исследователи, традиция говорящих животных в анималистической литературной сказке идёт из фольклора. При этом звери перестают нести вспомогательную функцию, характерную для фольклора, и становятся главными героями сказок, либо действуют наравне с героями-людьми [5, 6].

Материалом данной статьи послужили повесть А. Милна «Вини Пух» и повесть К. Грэма. «Ветер в ивах», относящиеся к жанру анималистической литературной сказки и представляющие «золотой век» детской литературы Великобритании.

В целом ряде случаев речевые клише (общепринятые формулы вежливости) воспринимаются как полноценные высказывания, например:

1) *"I see what Eeyore means", said Owl. "If you ask me —"*

"I'm not asking anybody", said Eeyore. "I'm just telling everybody".

2) *"Oh! Well, many happy returns of the day, Eeyore".*

"And many happy returns to you, Pooh Bear".

"But it isn't my birthday".

"No, it's mine".

"But you said «Many happy returns?»"

"Well, why not? You don't always want to be miserable on my birthday, do you?"

Ослик Иа озадачивает Пуха тем, что отвечает на стандартную фразу—поздравление аналогичной репликой. Изменение референтной отнесённости волеизъявительного клише *many happy returns of the day* позволяет Иа заменить традиционный обмен репликами полноценной беседой, где вопросы требуют ответа.

3) Иногда восстанавливается буквальный смысл приветствия:

Everybody said «How-do-you-do» to Eeyore, and Eeyore said that he didn't, not to notice.

4) В следующем примере коммуникационная неудача обусловлена тем, что Кролик используют стандартную этикетную фразу *if you wont have any more* ('если вы больше ничего не хотите') для размыкания речевого контакта, а Винни-Пух с готовностью откликается на неё как на поддерживающую этот контакт:

"Oh, well, then, I'll be going on. Good-bye".

"Well, good-bye, if you're sure you won't have any more".

"Is there any more?" asked Pooh quickly.

"No, there wasn't".

5)оборот *under the name* ('под именем') приобретает комический характер, реализуя буквализированное значение — 'жить в домике, над дверью которого написано твоё имя'.

"What does under the name mean?" asked Christopher Robin.

"It means he had the name over the door in gold letters, and lived under it".

б) Иа оживляет стёршийся смысл стандартной контактоустанавливающей формулы, снабдив её меланхоличным комментарием:

“Good morning, Eeyore”, said Pooh.

“Good morning, Pooh Bear”, said Eeyore gloomily. “if it is a good morning”, he said. “Which I doubt”, said he.

Если в условиях естественной коммуникации речевые клише непременно реализуют принципы кооперации и вежливости [6, 17], тем самым, обеспечивая её успешность, то в условиях художественной коммуникации успех на внешнем уровне общения (автор—читатель), обеспечивается нарушением постулатов Г.П. Грайса при помощи трансформированных речевых клише. Что касается внутреннего уровня коммуникации (персонаж—персонаж), то языковая игра в семантически осложнённом диалоге может быть охарактеризована как проявление наивного (например, в ответных репликах Пуха) или же имеет оценочно-модальный характер, превращаясь в средство донесения эмоций и мнения коммуниканта (в репликах ослика Иа).

Здесь уместно вспомнить один из примеров обыгрывания речевых клише в книге Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», где вообще часто фигурируют персонажи—животные. Когда Алиса возмущённо спрашивает: *“Where’s the servant whose business is to answer the door?”* (‘Где слуга, который должен открывать дверь?’), используя при этом устойчивое словосочетание *to answer the door* в её привычном смысле, Лягушонок отвечает вопросом: *“To answer the door? What’s it been asking of?”* (‘Ответить двери? А о чём она спрашивает?’). В данном случае, буквализируя значение стандартного оборота, Лягушонок руководствуется «детской» логикой и своим пониманием языка, на которое он имеет такое же право, как Алиса.

В сказочной повести К. Грэма переосмысление фразеологических единиц и устойчивых выражений происходит как в узком контексте (предложении), так и в ситуативном, т.е. требует привлечения неязыковых данных. Например, дядюшка Рэт, говорит, обращаясь к Кроту: *I’m going to get a black velvet smoking-suit myself some day, as soon as I*

can afford it ('Я тоже думаю заказать себе чёрный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами').

Чтобы оценить комизм данной фразы, необходимо знать, что чёрный бархат считается неизменным атрибутом крота и в английском языке существует фразеологизм для обозначения этого зверька — *a little gentleman in black velvet*. Механизмом переосмысления в данном случае служит трансформация образного смысла в буквальный, что приводит к контекстуальной дефразеологизации оборота.

Разложение словесных штампов, подсказанное их буквальным пониманием, характерно для речи мистера Тоуда, что придаёт ироническую окраску его образу: *I have no children waiting for me, innocent or otherwise* ('И меня вовсе не ждут никакие дети, невинные или какие-то там ещё'). Выражение *innocent children* подвергается уточнению, которое оживляет его стёршийся смысл, однако, приводит к распаду как устойчивой единицы.

Ещё один устойчивый оборот *to make a man of somebody* в устах мистера Тоуда получает следующую реализацию: *I'm going to make an animal of you, my boy!* ('Я хочу сделать из тебя Зверя, как говорится с большой буквы, дружок ты мой!'). Имеющая здесь место замена одного из компонентов фразеологизма связана с изменением предметной соотнесённости фразеологической единицы в целом.

В речи дядюшки Выдры оборот *it is the talk of the borough* ('это у всех на устах') трансформируется в *the talk of the burrows* в результате паронимического сближения компонента фразеологизма: *It was the talk of the burrows, how Mole... was in a bad fix* ('В кроличьих норах вчера только и разговору было, как Крот... попал в переплёт').

Водяная крыса говорит о барсуке: *The best of fellows. But you must not only take him as you find him, but when you find him* ('Отличный парень! Но ты должен принимать его не только таким, какой он есть, но и когда он есть'). За счёт использования многозначности глагола *to find* происходит расширение компонентного состава фразеологизма, приводящее к изменению его смысла.

Благодаря одновременной реализации двух значений выражения *to be up* ('происходить' и 'быть наверху') становится возможной двойная актуализация стандартного оборота:

"What's up, Ratty?" asked the Mole ('Что происходит, Рэтти? — спросил Крот').

"Snow is up", replied the Rat briefly; *"or rather, down. It's snowing hard"*. ('Снег происходит. А вернее просто идёт. Снегопад, вот что').

Устойчивое выражение *to talk about* ('ври больше; ты бы лучше помалкивал; бахвалиться' и т.д.) буквализируется ответной репликой персонажа:

"Talk about your old river!" ('Подумаешь, какая-то там река!')

"I don't talk about my river", replied the patient Rat... *"But I think about it all the time!"* ('Я не говорю о своей реке, но я всё время думаю о ней').

Большинство преобразованных фразеологических единиц и речевых клише вложены в уста дядюшки Рэта, которого можно считать представителем такой социальной группы, как интеллигенция. Это позволяет предположить, что трансформации имеют намеренный характер и отражают когнитивные особенности данного персонажа. Мягкая ирония, окрашивающая высказывания Рэта, — не самоцель, а лишь следствие его философических размышлений и наблюдений.

В авторской речи были отмечены следующие типы вариативности фразеологических единиц:

1. Фразеологическая деривация, т.е. образование сложного слова на основе фразеологизма: *Some were hauling out dusty trunks and dress-baskets, others were already elbow-deep packing their belongings...* ('Некоторые вытаскивали пыльные сундуки и дорожные корзинки, а иные, перегнувшись и уйдя по локоть в корзины, уже паковали своё имущество'). *Elbow-deep* — производное от оборота *up to the elbows in work*, который получает здесь имплицитную реализацию.

2. Осложнённое вклинивание и дополнение (термин А.В. Кунина): *So spoke the Badger, not knowing what the future held in store, or how much water, and of how turbid a character, was to run under bridges before Toad should sit at ease again in his ancestral Hall*

(‘Так говорил Барсук, еще не зная, что для них припасено у будущего и как много воды, и при этом довольно мутной, утечет, прежде, чем Тоуд с удовольствием усядется в своём родовом Тоуд-Холле’).

Исходная структура *much water has run under the bridges* трансформируется в *how much water, and of how turbid a character...was to run under the bridges*, сохраняя при этом свой смысл.

3. Реализация значения путём стимулирования вербально-парадигматических связей слова: *An errant May — fly swerved...in the intoxicated fashion affected by young bloods of May-flies seeing life* (‘Сбившаяся с пути франтоватая мушка-веснянка крутилась как-то неопределённо...видно опьянённая весной’). Жаргонное значение фразеологизма *to see life* (‘веселиться, кутить’) реализуется благодаря наличию в контексте слова того же тематического ряда — *intoxicated*.

4. Замена одного из компонентов фразеологизма: *And he set to work again and made the snow fly in all directions around him* (‘И он сам тут же принялся за работу, и снег летел во все стороны’). Исходной структурой, подвергшейся преобразованию в данном предложении, является фразеологизм *to make the fur fly* (‘затеять ссору; действовать энергично’). Сам контекст анималистической сказки способствует имплицитной актуализации слово *fur* (‘мех’).

Проблема трансформаций речевых клише, фразеологизмов и других стандартных структур в пространстве художественного текста для детей требует углублённого изучения, так как позволяет приблизиться к пониманию природы языкового парадокса, выявляя ассоциативную общность мира детского сознания и ментальной структуры взрослого человека.

Источники

Carroll L. *Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass*. Moscow, 2007.

Grahame K. *The Wind in the Willows*. На англ. и русск. яз. Перевод И. Токмаковой. М., 2004.

Milne A.A. Winnie-The-Pooh. Повести о Вини-Пухе. Стихи для детей. На англ. яз., М., 1983.

Литература

1. Бурунский В.М. Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и русского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.
2. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2001.
4. Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2, Екатеринбург, 2012.
5. Мостепанов А.А. Анималистический жанр в английской литературной сказке XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
6. Стрибижев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тула, 2005.